

Генеральский сын, а не... сынок

(Продолжение. Начало на 7-й стр.).

Уважение пролонгированного действия

— В институт пришел еще студентом, — рассказывал он, — в 1966 году. И туда, где руководителем лаборатории был именно Боресков. Здесь же работали и другие участники нашего «круглого стола». Например, Тамара Михайловна Юрєва и Тамара Витальевна Андрушкевич. Здесь же подготовил диплом, стал аспирантом и защищал кандидатскую диссертацию.

Сразу скажу: все, что сделал Боресков, — это была работа пролонгированного действия. Даже сегодняшние успехи института связаны с тем, что он делал как ученый и руководитель. И директора института после него академики Кирилл Ильич Замаев и Валентин Николаевич Пармон сумели сохранить и развить традиции, заложенные Георгием Константиновичем.

— Вы не могли бы выделить из традиций и основ самое важное?

— Шеф (так мы между собой всегда называли Борескова) четко и сразу определил: примат в институте за фундаментальными исследованиями и проблемами. И не только следил за этим, но и сам лично очень высоко держал планку фундаментальных исследований. Подлинная научная школа не вырастает из мелких, второстепенных задач. И научное признание в стране и за рубежом мы получили как раз потому, что занимались решением крупных задач и проблем.

Но при этом Боресков никогда не пренебрегал прикладными исследованиями, хорошо понимая, как они важны и как нужны практике. В том числе и потому, что он сам хорошо знал нужды производства. Боресков немало лет отработал на заводе.

(Когда-то на этом предприятии выпустили проспект. На нем был напечатан портрет не директора завода, как вроде бы полагалось в те времена, а тем более — в нынешние, а Георгий Константиновича Борескова, объективно и открыто признавая его заслуги, как специалиста.)

— Напомним, — продолжал рассказ Зинфер Ришатович, — что наш институт получил свою первую награду — орден Трудового Красного Знамени — за трудовой вклад в развитие народного хозяйства, за тесную связь с предприятиями.

Не меньше внимания при Борескове уделялось и международному сотрудничеству. Первый инновационный центр по взаимодействию со странами СЭВ был создан в нашем институте. При Борескове разрабатывались различные международные программы. Мы много лет назад получили выход на зарубежные семинары — французский, японский, американский и другие. Большинство из них были организованы Георгием Константиновичем. Он первым из наших химиков сумел войти в американскую программу, которая предусматривала десять основных направлений развития по научному сотрудничеству США и СССР.

Катализ вошел в число важнейших направлений. И уже тогда авторитет Борескова был настолько высок, что в США катализ вошел в важнейшие направления сотрудни-

чества без обсуждения. Такое доверие оказывается редко. Утвержденная программа позволила послать на полгода даже на год поработать в Америке примерно пятьдесят молодых ученых из Новосибирска, Москвы, Баку, Тбилиси и других городов. Вопрос о программе сотрудничества обсуждался тогда в конгрессе США. Потому что это был не только научный, но и политический прорыв в отношениях США и СССР. Обсуждение закончилось в пользу России. Крупнейшие американские химики программу поддержали. Они знали, какого масштаба ученый выдвигал на первый план для сотрудничества катализ.

Впрочем, сейчас на всех международных форумах и семинарах при представлении можно слово «катализ» уже опускать. Достаточно сказать, что ученый приехал из института Борескова или еще проще — «от Борескова», как сразу всем все понятно. Давний пietet сбавывает. На юбилей Борескова приезжала в Академгородок целая делегация с завода, на котором он работал на войну.

— Три года назад, — вспоминал Исмагилов, — я поехал на конгресс в Сеул. Регистрируюсь. Проверяют, заплатил ли за участие в конгрессе. В списке этого не находят. Заверяю, что заплатил. Предлагаю проверить по списку стран, из которых приехали ученые на конгресс. «А, — говорит, — за вас Боресков заплатил». А к тому времени Георгий Константинович уже давно умер. Так что даже имя нашего шефа, которое носит институт катализа, нам помогает.

— Что такое научная школа? — спрашивал Исмагилов и тут же сам отвечал. — Это продолжение традиций. Присутствующий здесь Валерий Иванович Бухтияров занимается успешно физическими методами в исследованиях по катализу, которые сегодня имеют решающее значение. В том числе и потому, смею утверждать, что наш институт наиболее оснащенный во всей России среди химических институтов. Такое количество первоклассных приборов едва ли где найдешь еще. И все они расположены в одном здании и доступны для одного коллектива. Об этом тоже очень заботился наш шеф, считая, что наука должна быть оснащена самыми современными приборами.

Золотая для работы традиция сохраняется до сих пор. При всех обстоятельствах. Это важно и при заключении контрактов с западными фирмами на поставку новых приборов. Их привлекает, что все будет работать в одном коллективе. Это дает возможность в одном институте провести такие исследования, как другим институтам недоступно.

— Не буду утрировать, что оснащению института помогало и то, что шеф одновременно был членом коллегии сразу двух мощных министерств. В том числе Средмаша. И нам то, давнее, влияние Борескова до сих пор помогает. Масштаб его личности был огромным. Авторитет — не меньше. Например, с председателем Совета Министров Косыгиным он говорил на равных.

И точно с таким же равенством он беседовал с аспирантами и студентами. Его безукоризненная воспитанность не допускала исключений. Уважительность и при-

Институт катализа СО РАН.

ветливость были для него нормой. Я об этом не видел его никогда. Даже критику или какие-то замечания он смчал комором. Помните, я вместе с другим научным сотрудником и со своим дипломником выполнял работу, которую Боресков считал важной, но

Но конфликты, конечно, были

— Могу добавить, — продолжала беседу, заметила Тамара Михайловна Юрєва, — как реагировал Георгий Константинович в конфликтных ситуациях. Человека, которого он переставал ценить и уважать, он переставал замечать. Никаких грубых упреков, никакого публично выраженного недовольства, конечно, не было. Такое исключалось в стиле работы и в характере Георгия Константиновича. Но несостоявшийся человек и ученый уходил для него в забвение, полное и окончательное. Шеф больше с ним не общался. И это было как приговор. В лаборатории Борескова, центральной в институте, насчитывалось девять групп сотрудников. Из нее уходили на повышение, то выделялись другие самостоятельные звенья науки. Но все, что с ним работал, имел счастливую возможность получить высочайшего уровня консультационно-практические по любому вопросу — он был, в сущности, энциклопедист в химии.

— Но в те времена, по крайней мере, это была особенность почти всех институтов в Академгородке? — Наша особенность в том, что Георгий Константинович был исконно был в зените славы. Заявил, что хочет снять фильм о науке, но чтобы обязательно с конфликтом. Георгий Константинович его с обычным вниманием выслушал, а потом заявил: «А у нас в науке конфликтов нет». И тема «заглохла».

— Все были столь разном направлении в своих исследованиях, что У руководителя требовалась очень широкая квалификация. Борескову это было по силам. Каждый из нас занимался более узким направлением. Шеф не мог руководить настолько плотно, чтобы детально обсуждать с нами все конкретные планы работы. Но беседа, консультация с ним на высочайшем уровне позволяли нам получать от него ответы на все вопросы, которые нас интересовали. Это и поражало в нем, и восхищало.

А дальше мы плыли сами. Никаких рамок он нам не ставил. Бесспорным достижением Георгия Константиновича считаю, что в институте заложили все направления каталитической науки. Это квантовая химия, проектирование, моделирование реакторов...

— Простите, но для взгляда со стороны едва ли проектирование можно приписать к фундаментальным исследованиям...

— Для нас это очень важно. Еще в первых своих работах по серной кислоте шеф рассчитывал реактор, занимался квантово-химическими расчетами, делал катализатор, моделировал процессы и аппаратуры. Уже при организации института был создан отдел физических методов. Таким подразделением науки особо требовалась современная материально-техническая база. И не один, конечно, Георгий Константинович о ней заботился. С первых шагов у Сибирского отделения были особые условия для приобретения оборудования. Это позволяло вести исследование катализа, катализатора и процесса одновременно как химиками, так и физиками. Комплексные исследова-

ния не когда-то осваивались у нас, а были с самого начала. В этом очень большая заслуга Георгия Константиновича. Один и тот же катализатор — его структура, свойство и т.д. — изучались разными методами. При одном методе можно хорошо объяснить любое свойство, например, но когда вы исследуете катализатор разными методами, то тогда вы получаете экспериментальные результаты, которые надо объединить. А они в большинстве случаев «конфликтуют». И истина лежит в той части, где разрешается этот конфликт. То есть надо было необходимые знания получать прежде всего на теоретическом уровне. Именно этому уделялось очень большое значение.

В результате в нашем институте

Человека, которого он переставал ценить и уважать, он переставал замечать. Никаких грубых упреков, никакого публично выраженного недовольства, конечно, не было. Такое исключалось в стиле работы и в характере Георгия Константиновича. Но несостоявшийся человек и ученый уходил для него в забвение, полное и окончательное.

те, прежде всего в лаборатории окисления и в тех, которые от нее отпочковывались, создавался культ чистого, грамотного, многостороннего эксперимента. Он казался исследованию каталитических свойств, кинетики, каталитической активности, особенностей поверхности самого катализатора. С появлением новых методов эти исследования только углублялись и расширялись. Они не потерялись до сих пор. Теперь это считается нормой работы. Вот в чем я и одновременно как химиками, так и физиками. Комплексные исследова-

ние к эксперименту, как при Борескове, — его комплексности, глубине и чистоте сохранилось. Среди присутствующих на «круглом столе» есть молодой человек, который пришел в лабораторию после Борескова. Но в ней работал как при Борескове. Впрочем, как и во всех других лабораториях при Георгии Константиновиче. Все наши исследования проводятся научными коллективами. Многие сотрудники вне лаборатории: рентгенисты, электронные микроскописты и другие. Но все наши публикации совместные. Мы вместе работаем много лет и научились друг друга понимать, что тоже следует отнести к заслугам шефа.

Несколько иной взгляд...

...на академика Борескова у заведующей лабораторией Тамары Витальевны Андрушкевич.

— У шефа, конечно, было мало возможностей долго общаться с каждым научным сотрудником и беседовать с ним подробно. Но в своем кабинете он частенько проводил собрания руководителей групп. Мы там очень подробно отчитывались за проделанную работу. Он всех выслушивал, пытно спрашивал и намечал вместе с нами вехи дальнейших исследований в конкретной тематике каждой группы. Вспоминаются мне и открытые институтские семинары нашей лаборатории. Они проводились в конференц-зале, и приходилось в лабораторию окисления зал был практически всегда заполнен. Слушать Борескова было не только полезно. Это доставляло и удовольствие. Он выступал прекрасно. Особенно удавалось ему заключения. Он в любой тематике умел выделить основное. И неважно, кто и как докладывал — умело или неумело. Резюме Борескова следовало обязательно после каждого выступления. А потом еще он ждал вопросы. Очень любил, когда ему их задавали. Шеф «вытягивал» из дискуссии самое главное. И так, словно это главное исходило не от него, а от докладчиков и участников дискуссии.

Его интеллигентность и тактичность проявлялись постоянно. Хотя бы при выходе в свет основанных с его помощью двух научных журналов, которые ныне печатаются на английском языке, а один из них стал международным.

Шеф формировал в институте стиль, наше поведение. И во всем: в отношениях с людьми, в обращении к ним, в одежде, в праздновании знаменательных дат... Большинство наших молодых сотрудников старались ему подражать. Даже в интонациях при разговорах между собой. Боресков был очень популярный директор как среди мужчин, так и среди женщин. (Тут я вспомнил слова одного давнего теперь классика: «Лидер должен нравиться». — Р.Н.).

— Не помню, — рассказывала Тамара Витальевна, — чтобы Георгий Константинович сидел в присутствии женщины. Не помню также, чтобы он кого-то не подвез, когда выходил из института вместе с жемчужинами. А машину водил сам. Сейчас другой стиль — начальство проносится мимо. («Но и другой темп», — отметил про се-

бя. — Р.Н.). Боресков был чуток к слову, любил классику, романтизм, советовал мне, чтобы мой сын больше читал Чехова. Тогда он не вырастет плохим человеком. Наконец, Георгий Константинович отличался благодушием. Нынешний мэтр художник Илья Глазунов в молодости попал в лапы, ему не давали хода и исключили из Союза художников. Именно тогда академик Боресков заказал ему свой портрет и портрет дочери. Сочувствуя, стараясь помочь молодому живописцу. Поступок его напоминал протест.

Заложенное тогда теперь стало стандартом

Молодой заведующий лабораторией Александр Хасин пришел в институт катализа после Борескова. Но из разговоров родителей помнит о нем с детства.

— Но, поступив на работу в институт, — говорил Хасин, — я прочувствовал хорошо дух школы Борескова. Проявлялся он, например, в исследованиях сложных систем сложных материалов и в доводке сложных каталитических реакций. В исследованиях всегда комплексных и многосторонних. И очень тщательных. Этот стиль комплексных исследований, заложенный еще при Борескове, стал сейчас международным стандартом. А точнее — стандартом качества для тех, кто работает на мировом уровне. Если по сути говорить, то Боресков основатель не только нашей научной школы, но и родоначальник вообще науки о гетерогенном катализе. Но не единственный. Вместе с некоторыми выдающимися зарубежными учеными. Если еще обобщеннее говорить, то стиль работы, «привитый» в химии Боресковым, и стал стандартом качества во всем мире. Ныне в передовых лабораториях также комплексно исследуются и поверхностные, и объемные, и структурные свойства катализаторов.

Считаю, мне повезло, что я попал в гетерогенный катализ, как в науку. Исследования здесь — не прямая дорожка. Необходимо всестороннее изучение одного и того же объекта, и лишь после этого можно о нем составить какое-то мнение, сделать выводы. Одно эксперимента недостаточно. Поиск здесь напоминает сложный, запутанный лабиринт. В этой науке много молодежи, и мне нравится с ней работать. Гетерогенный катализ живет и развивается. Наш институт забирает к себе большинство старшекурсников — химиков ИГУ. И всем находятся интересные задачи.

Остается уточнить, что Александр Хасин закончил не ИГУ, а Московский физтех. И он единственный из группы уехал в Новосибирск, стал работать в институте катализа. Более половины его сокурсников уехали в США и в другие страны. Александр ничуть о своем решении не жалеет и рад, что случилось именно так.

Вещный сон Владимира Городецкого

...Позволю себе маленькое отступление, прежде чем беседе «подхватит» доктор наук Владимир Владимирович Городецкий. Всех выступающих до него пришло, хотя и немного, «ужи-

(Окончание на 10-й стр.)

Зинфер Ришатович Исмагилов.

Тамара Михайловна Юрєва.

Владимир Владимирович Городецкий.

Ролан Нотман. Константинович

Тамара Витальевна Андрушкевич.

Александр Александрович Хасин.

Валерий Иванович Бухтияров.